ИНТЕРВЬЮ С УИЛЬЯМОМ БИЛЕРОМ (WILLIAM BIEHLER) – АМЕРИКАНСКИМ ПЕХОТИНЦЕМ, ВОЕВАВШИМ В СОСТАВЕ 90-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

Расскажите о том, как ваша семья поселилась в Нью-Джерси.

Оба моих деда иммигрировали из Германии в 1890-х и жили в городах Хоубоукен/Hoboken и Джерси/Jersey, затем переселились в город Саммит. В те времена в Хоубоукене была большая немецкая община… Мой отец и большинство его друзей говорили по-немецки тогда, когда не хотели, чтобы мы их понимали. Позднее, в колледже, я два года учил немецкий.

Поддерживались ли в вашей семье другие немецкие традиции?

Да, даже очень. Мы отмечали Рождество, в его канун моя мать готовила немецкие блюда (смеется).

Ваш отец служил в ВМФ в годы Первой мировой войны?

Да, верно, но он так и не покинул пределы страны. Все это время он провел в Штатах.

Кто-нибудь из ваших родителей говорил когда-либо о том, что значило быть американцем немецкого происхождения в годы ПМВ, о каком-либо предвзятом отношении к себе?

Нет, я не думаю, что они когда-нибудь это ощущали, поскольку все их друзья были немецкого происхождения.

Обсуждалось ли в вашей семье, среди друзей то, что происходило в Европе, когда вы учились в средней школе?

Мот родители знали, что у них есть троюродные братья в Германии, и моя бабушка была в контакте с ними… В Германии жили Билеры, которые переписывались с ней. Один из них был убежденным нацистом и посылал ей кое-какие открытки и штуковины, которые были, знаете ли… типа «О, это прекрасно! Гитлер восстановит Германию, будет новая нация, мы [вновь] обретем мощь и отныне и далее будем править…», но ей это не нравилось. Она полагала, что все это просто смешно для маленькой старой Германии – считать себя такой уж великой…

Я полагаю, вы спрашиваете, какие чувства были у моих родителей – определенно, они не были настроены прогермански, если ваш вопрос об этом. Я знал, что некоторые американцы с немецкими корнями были за Германию, но мои родители были американцами, они хотели жить в Америке и считали ее великой страной… Возможно, я сражался против своих троюродных братьев (смеется). Я не был с ними знаком, но они служили в германской армии, я знаю об этом. Мы позднее об этом узнали…

Как вы, в целом, приспособились к армейской дисциплине после свободной гражданской жизни?

Для меня все прошло легко, потому что я был в бойскаутах. У меня с этим не было проблем, но это было большой проблемой для некоторых других. Однако в армии знают, как с этим справиться. Там в этом плане хорошая система…

Из лагеря Килмер, думаю, это был он, нас перевезли в Нью-Йорк – прямо на судно с автобуса. Конвой был огромным – более сотни судов и кораблей, я оказался на британском рефрижераторе, который переоборудовали в транспорт для перевозки войск. Еда была отвратительной (смеется). Британцы вообще готовить не умеют…

Мы были рады тому, что в составе группы был авианосец… Было множество судов типа *Liberty*, множество транспортов с войсками и с грузами. Было, вроде, четыре эсминца или эскортных корабля, снующих рядом с нами. Нас ни разу никто не атаковал.

Сколько времени занял переход через океан?

Почти две недели, потому что суда типа *Liberty* могут давать только восемь миль в час, да еще нужно было идти зигзагами. Капитаном судна был британец, и, прямо перед тем, как тронуться в путь, он решил, что стоит выступить перед янки. То есть, он произнес патриотическую речь, сказав следующее: «Мы рады тому, что вы здесь, добро пожаловать в Англию и хорошей вам охоты, янки.»

[По прибытии] мы сели на поезд, который шел полтора дня. Мы сошли с него в Уэльсе, неподалеку от города Барнстэйпл/Barnstaple на южном побережье Англии и разместились в базовом лагере.

А вторжение уже началось к тому времени?

Нет, мы прибыли в мае, где-то в середине мая. В день, когда началась высадка [в Нормандии], мы были в лагере. Нам раздали копии знаменитого письма Эйзенхауэра, написанного для всех военнослужащих. Дня через три мы покинули лагерь, перебрались в Плимут и почти сразу взошли на борт десантного судна, которое выглядело как переоборудованный паром. Мы просидели на нем дня четыре во время того жестокого шторма, который разрушил *Mulberry*, и в итоге, высадились на континенте…

Мы вышли на берег в районе пляжа Юта, думаю, это было числа 20-го июня. У нас собой были наши здоровенные казарменные мешки, набитые одеждой. Спустившись по веревочному трапу на десантный катер, мы вытащили эти мешки на берег вместе с оружием и боеприпасами. Весили они 35-40 фунтов… Вытащили эти долбаные мешки, и кто-то сказал: «Оставьте мешки здесь, остальное берите с собой.» Тогда я видел свой мешок в последний раз. В нем остались Библия и окопный нож, который мне подарил отец – его я больше не увидел. Затем мы двинулись вперед. Немцы все еще вели спорадический артиллерийский огонь, снаряды падали неподалеку время от времени… Мы добрались до следующего, расположенного неподалеку, лагеря, в котором находились резервы. Там мы провели ночь или две, а затем прибыло множество грузовиков из разных частей… У них с собой были списки: «Вы, парни, лезьте в этот грузовик, а вы – в тот» - так мы двинулись дальше. Тогда я узнал, что мы будем в составе 90-й Пехотной Дивизии.

О чем вы думали и что чувствовали, когда двигались к передовой?

Ты особо не рассуждаешь, пока не доберешься дотуда (смеется). Запомнил кое-какие мелочи. Сидим в грузовике, никто еще не зарядил винтовку. Во время обучения ты не делаешь ничего, пока тебе не скажут что-то сделать. Ну, некоторые парни и говорят: «Слышно, как гремят пушки. Заряжу-ка я свою винтовку. Никто не скажет мне, что это пора сделать.» Все мы были рядовыми, думаю, там была пара капралов, но они ничего не сказали. Итак, все мы решили зарядить винтовки…

Встретил нас командир роты: «ОК, ребята, вы в Роте *K* 357-го Пехотного Полка. Добро пожаловать, я капитан такой-то.» В итоге, я оказываюсь в стрелковой ячейке и сталкиваюсь с парнем, с которым я буду рядом: в ячейке всегда двое. Спрашиваю напарника: «А кто эти парни, вон там?» - «А это немецкие парашютисты.» (смеется) Тогда-то я и понял, что это – линия фронта. Немного понервничал, но ничего особого не случилось. Кто-то выстрелит, потом кто-то еще пальнет. Это, в основном, были снайперы. У немцев было много снайперов, и они знали свое дело. Через пару дней нам сказали: «ОК, парни, вы в 1-м Отделении 1-го Взвода.» Нас в нем оказалось четверо, а должно быть двенадцать. То есть, я был в первой волне подкреплений, пришедших в Роту *K* после высадки. Численность этой

роты к этому времени составляла немного более тридцати человек. А должна была быть, думаю, сотни две…

Вот как? Да уж…

Да. Мы стали пробиваться через живые изгороди. В каждой изгороди в каждом углу есть дверь или проход. Прошли через первый, и сразу же под снаряд 88-миллиметровки попали двое парней, которых разнесло в клочья. Кто-то из ребят закричал: «Санитары!» Я сказал: «Не думаю, что санитары им помогут.» Когда проходил мимо них, у обоих изо рта шла кровь… Тогда я впервые в жизни увидел мертвецов или кого-то в таком вот состоянии… Я и еще один парень оказались посреди поля… Нас всегда учили: «Продвигайся вперед, оставляй раненых за собой, чтобы защитить их, пока кто-нибудь не придет и не поможет им.» А тут пулеметный огонь, и мы посреди поля. Всего-то нас трое осталось. Думаю: начинали мы впятером, те двое убиты… Я огляделся и вижу, что остался один! Вскочил и побежал назад (смеется). Таким был мой первый боевой опыт. Двое погибли, один был ранен. То есть, из пятерых двое остались целыми и невредимыми. Я подумал: «Плохи дела (смеется). Так мы долго не протянем.» Мы сражались против немецких парашютистов, а это были отлично обученные парни. Они были превосходно вооружены… Они успели повоевать в Африке, они побывали везде… У них были танки – у нас не было танков. У нас всего-то была одна базука на взвод. Американские танки и истребители танков еще не высадились на побережье. У нас была артиллерия, но она еще не выдвинулась, была где-то далеко позади… В те дни в Нормандии нас, на самом деле, спасали [штурмовики] *P-47*, которых мы могли вызвать. У них [авиаторов] был парень-радист, который мог вступать в контакт с летчиками или с кем-то, кто мог это сделать. Они передавали координаты [участков для нанесения ударов с воздуха]. У них были точные карты Нормандии, это было великое дело!

Расскажите о своем боевом опыте.

Хорошо… Мой первый опыт. Примерно через пару дней немцы атаковали нас, и на тот момент в обороне находилось только пять американских дивизий, а к немцам начали поступать подкрепления. Им приказали сбросить нас в море, поскольку они видели, что за нашей спиной высаживается все большее количество войск и что для них больше нет места. У нас был приказ любой ценой расширить плацдарм, но немцы пошли в атаку, и этот бой продолжался три дня. *[Билер говорит о сражении у города Бокудре/Beau Coudray, в котором принимал участие 357-й Полк с 5 по 11 июля]*. Моя рота, Рота *K,* была в составе 3-м Батальоном. Всего в нем было 4 роты. Две роты, *L* и *I*, выдвинулись вперед, были отрезаны парашютистами и взяты в плен. Мы узнали об этом позднее, когда увидели на своем левом фланге немцев. Так нам пришлось растянуть свои силы по фронту – то есть, одна целая рота и остатки еще двух растянулись, возможно, на полмили. Между стрелковыми ячейками было около 100 ярдов, по два парня в каждой… Мы отбили 14 контратак. В одной из них немцы, парашютисты, примкнули свои *парадные* хромированные штыки, черт знает, откуда они их взяли, с собой привезли или нет, но у них оказались эти шикарные штыки, которые сверкали. Это была атака при дневном свете. Они маршировали, где-то играла строевая музыка. Не знаю, был это оркестр или запись, полагаю, это была пластинка. Они бежали в нашу сторону, а мы стреляли до тех пор, пока у нас почти не кончились боеприпасы. В итоге, они повернули назад. Некоторые из них почти добежали да нашей [оборонительной] линии перед тем, как повернуть назад. Должно быть, мы убили половину из них. У нас были на исходе патроны, почти закончились пищевые рационы, и командующий дивизией вывел из резерва еще целый батальон. Наш первый генерал ни к черту не годился, о чем мы узнали позднее (смеется). Он управлял боем из окопа, расположенного в двух милях от передовой, почти на пляже, но, в итоге, бросил в бой парней, которые охраняли его штаб, и это спасло нас, выправило положение, и после этого мы пошли вперед и взяли Бокудре, находившийся в углу нашего сектора. Здесь у меня есть пара книг о нашей дивизии. В них говорится о том, что два других полка дивизии штурмовали высоту Форе де Мон-Кастр/Foret de Mont Castre, на которой располагался последний наблюдательный пункт немцев, с которого им был виден пляж. Его тоже обороняли парашютисты из 6-й Дивизии немцев. Трудно нам пришлось, но, в итоге, высота была взята. Немцы отступили, и у нас стало больше пространства, большее

число войск вышло на передовую, и через пару недель была та большая ковровая бомбардировка. Бомбили пространство перед нашими позициями, затем мы начали продвижение и увидели открытую, плоскую местность. До этого мы были в краю живых изгородей, но теперь, с вершины холма, перед нами открылась равнина, открытая для танков. Для живых изгородей они не годились. Дороги там были в понижениях, из которых и стрелять-то было невозможно.

Так или иначе, мы выбрались из края живых изгородей, затем была ковровая бомбардировка, в ходе которой погиб генерал Макнэйр (Lesley J. McNair) и вся 30-я Дивизия. Вы слышали об этом? [Количество американцев, погибших в результате этой бомбардировки 25 июля 1944 г., исчислялось сотнями человек].

Да, в районе Сен-Ло. А кто-нибудь из 90-й угодил под нее?

Нет. Там, где падали бомбы, нас не было. Мы пошли в прорыв. В тот момент 90-я Дивизия была в подчинении, полагаю, у 7-го Корпуса 1-й Армии. После прорыва Паттон вступил в бой, и мы стали одной из первых дивизий в составе 3-й Армии. [90-я Дивизия, номинально относившаяся е 3-й Армии, находилась в подчинении у 7-го Корпуса 1-й Армии с момента высадки на плацдарме Юта/Utah с 6 по 19 июня. 19-го она была переведена в состав введенного в бой 7-го Корпуса 1-й Армии. 1 августа 1944 г. 90-я Дивизия была возвращена в состав 3-й Армии, где и оставалась, не считая краткого периода пребывания в составе 1-й Армии 17-25 августа.] Итак, мы двинулись на юг в сторону Ле-Мана/Le Mans.

Прежде чем перейти к рассказу об этой стадии боев: вы помните что-нибудь о боях в краю живых изгородей, о своих перемещения?

Да. Ну мы не двигались, мы старались удержаться на месте (смеется.) Мы были в обороне бóльшую часть времени, но потом, когда немецкие парашютисты отступили, мы пошли вперед. Мы контратаковали, потом что к тому времени к нам подошли подкрепления. Мы продвигались от одного огороженного участка к другому и несли тяжелые потери. 100% личного состава 90-й Дивизии перешло в разряд потерь до того, как мы выбрались из Нормандии, и держалась она только за счет подкреплений. В моем взводе из 40 человек к концу сражения [из первоначального состава] осталось, думаю, человек восемь.

Как часто к вам прибывали подкрепления?

Каждый день. Они приходили постоянно. Это было хорошо организовано, новый парень приходил, ты его встречал…, но, видите ли, в той ситуации сам не знаешь… Все, кого ты знаешь, это парень справа от тебя и парень и слева, все это в пределах пары сотен ярдов. Получая подкрепления, мы получали возможность разместить стрелковые ячейки поближе друг к другу. Каждую ночь двое парней отправлялись в штаб роты, чтобы принести воду и боеприпасы, если не было атаки противника… Да, то сражение за Бокудре… Я почти уверен, оно длилось три дня и три ночи. Приходилось постоянно быть в бою. Не было времени перекусить. Пытаешься съесть шоколадку и сделать что-то, когда нет боя, но… И мы постоянно беспокоились о наличии боеприпасов – приходилось забирать патроны у раненых ребят, у убитых и продолжать бой. Оружие так нагревалось, что от стволов почти уже можно было прикуривать… Вы знаете, сражение за Бокудре было настолько ожесточенным, что в ночь после его окончания, когда мы, в конце концов, смогли отдохнуть, трое парней из нашей роты прострелили себе ступни. Мы слышали эти выстрелы из нашей ячейки, нам ничего не сказали об этом, но слух прошел. В армии слухи разлетаются быстро, это да (смеется). Я никогда не рассматривал этот вариант, потому что просто не хотел калечить себя. Думаю, это был выход для трусов, но были ребята, которые просто ломались - в какой-то момент кто-то из них говорил: «Я больше не могу» и начинал рыдать, всхлипывать и просто отказывался вылезать из окопа. Был у нас даже один лейтенант, который отказался вылезать из окопа. Мы его больше не увидели. Он ушел в штаб роты и… больше о нем не было слышно.

Как себя вели ваши офицеры, вообще, армейские власти по отношению к тем, у кого случался нервный срыв или подобные проблемы?

Ну, у нас был очень опытный взводный сержант в то время, техник-сержант (technical sergeant – временно присваиваемое звание в боевых условиях), который в конце сражения просто сказал: «Я должен уйти» и ушел на перевязочный пункт. Больше мы его не видели. Вроде, он вернулся месяца через два, продержался пару недель и опять пропал – ни разу не был подстрелен или ранен – просто не мог вынести все это психологически. Никто и никогда не говорил нам, что было дальше с такими людьми. Мы не знали, возвращали ли их в строй… Определенно, они не годились для службы в пехоте.

Как улучшалась тактика ведения боевых действий в краю живых изгородей?

Тактика развивалась в ходе боев. В конце концов, мы определили, что у немцев в каждом углу [огороженного участка] было по пулемету. То есть, насквозь не пройдешь, и мы решили пробивать свои входы-выходы, что было тяжелой работой, так как некоторые изгороди были по три фута в толщину. В них и валуны были, и все прочее, ну мы и рыли в обход их. Потом, в атаке, мы подтаскивали артиллерию как можно ближе к этим пулеметным гнездам. Между изгородями было до сотни ярдов, довольно короткое расстояние, чтобы использовать артиллерию, но эти парни свое дело знали отлично. Воздушные корректировщики артогня *Piper J-3 Cubs* были великолепны, они наводили огонь и делали это невероятно точно, а у немцев таких не было. В этом у нас была большая фора перед ними. Они как бы стреляли вслепую, да у нас и артиллерии было побольше, чем у немцев. У них было больше минометов, чем у нас, что любопытно. У них было просто огромное количество минометов, особенно у парашютистов: маленьких, 60-миллиметровых, по одному на каждых троих солдат, а у нас был один на каждых 25 или 40 человек. Стрелковые роты вообще не имели минометов: они были в минометных ротах, которые были позади нас…

А что было хуже: артиллерия или минометы?

Минометы были хуже [для нас]. Артиллерия создает много шума. Пару раз пушки клали снаряды совсем рядом со мной, но минометы разбрасывают свои снаряды вокруг тебя постоянно…

И что вы делали во время минометных обстрелов?

Вы должны просто залечь. Но вы не слышите, как прилетают мины – это опасная свойство минометного огня. Мина взлетает и падает, а вы ничего не слышите. Иногда их даже видно, днем, но не в темноте… В Нормандии у немцев было такое преимущество еще и потому, что все было пристреляно. Они точно знали расстояния. Мы находили карты, на которых все было помечено с точностью до ярда – просто поразительно, насколько основательно они все приготовили, но позднее, когда мы обратили их в бегство, им это уже не помогало. Преимущество было уже у нас: они бежали, а мы гнались за ними.

Много ли было мин и ловушек (booby-traps)?

Да, особенно под Бокудре, где немцы пробыли год с половиной или пару лет, так что они действительно знали местность. Они знали, где находятся фермы, знали где цыплята (смеется). Они всех их забрали с собой: всех цыплят, но оставили скот, однако знали, где добыть молоко, где находятся колодцы и все такое. Они оставили множество ловушек, минировали трупы, знали, что *GI* любили брать сувениры. То есть, если ты видел, что где-то лежит *Luger*, в ящике или на столе, ты соображал: «Не бери его, вероятно, он заминирован.» Но некоторые ребята брали… Они [немцы] минировали и стрелковые ячейки. Ищешь ближайшее укрытие, но, если ты спрыгнул туда, тебе конец… Мины *Schu* были дрянным делом, потому что они взлетали вверх фута на три и взрывались, поэтому были очень опасными. [Билер путает мину *Schu 42*, имевшую деревянный корпус, с немецкой миной *S 35*, прозванной *Bouncing Betty/Прыгающая Бетти*]. Парни, естественно, боялись за свои интимные органы. Нормандия оказалась первым местом, где мы столкнулись с множеством ловушек, и еще так было позднее, когда мы вели городской бой недалеко от Меца/Metz. Но в открытой местности, когда мы гнали их через Францию, у них просто не было времени, чтобы расставлять ловушки.

Приходилось ли вам быть поблизости, когда кто-то нарывался на ловушку?

О, да. У меня было несколько близких друзей, которых ранило осколками после взрывов обычных мин или ловушек. У немцев были такие маленькие мины… когда они были зарыты, их невозможно было разглядеть. У них были деревянные корпуса, миноискатели их не брали. Но наши саперы отлично справлялись с большими минами, например, с противотанковыми и тому подобное…

Приходя в подразделение в качестве подкрепления, ощущали ли вы проблемы с встраиванием в него? Находился ли кто-то, кто относился к вам, новичку, предвзято?

Нет. Я довольно быстро пришел к выводу, что в боевой ситуации лучшими солдатами являются или охотники, или фермеры. Это были люди, привычные к полевому образу жизни. Городским парням приходилось очень тяжко. Дождь… «Идет дождь, что мне делать? У меня нет плаща.» - «И что? Ну, намокнешь» (смеется). А дожди шли часто. То лето во Франции было самым дождливым за сто лет, а у нас ничего не было. У нас было то, что было на нас, и мы не носили с собой плащи. Позднее, когда мы подошли к Парижу, некоторые из нас стали носить с собой половинки палаток, которые можно было использовать как накидку.

Ну и как вы находили свое место среди людей?

Прекрасно находил, как и большинство из приходивших к нам в качестве подкреплений. На ранней стадии [боев] у всех у них была базовая подготовка. Они знали как стрелять, как позаботиться о себе, и все управлялись (смеется). Опять же, все от человека зависит: у кого-то хорошо получается, у кого-то хуже (смеется), как и в жизни. Однако большинство людей понимало, что им нужно стараться изо всех сил, чтобы остаться в живых и не отставать от других…

Когда бои шли в краю живых изгородей, часто ли вам приходилось стрелять, не видя, где находится противник?

Да, много раз, потому что … они [немцы] были мастерами маскировки. Поэтому я стрелял по всему, что движется. Иногда ты видишь только каску, или вспышку или еще что-то. Стреляешь по этому месту, но в тех местах было очень трудно найти хорошую цель. Поэтому и стреляли по всему тому, что двигается.

Пулеметчики 359-го Полка 90-й Дивизии ведут огонь по противнику

Может показаться, что вы были довольно близко к противнику, когда вели огонь.

Да, и тогда были некоторые парни, которые не хотели вести огонь из своего оружия. Был у нас один, который говорил: «У меня против него злости нет. Он в меня не стреляет, и я в него не буду.» Вот такая была у него философия, и едва ли он хоть раз выстрелил из своей винтовки, но был на передовой. В конце концов, когда деваться было уже некуда, он стрелял, но парень был не из тех, кто палил, не имея цели.

Первоначально вы вели бой небольшими группами. Получив подкрепления, перешли ли вы к ведению боя силами полного отделения?

В Нормандии мы никогда не были укомплектованы людьми больше, чем наполовину. Приходили подкрепления, но и люди продолжали получать ранения или погибать.

Глядя на раненых, что вы думали о причинах этого: это результат обычного боя, или они сами сделали что-то не так?

Нет, почти все это было результатом боя.

Было ли так, что новичок допускал ошибку, тогда как ветеран ее не сделал бы? Я знаю, Стивен Эмброуз много писал о приходивших с подкреплениями *(речь идет о книге The VICTORS: Eisenhower and His Boys: The Men of World War II. By Stephen Ambrose. 1998)***.**

Ну что ж… Самым опасным временем было то, когда новичок впервые оказывался на передовой, потому что он проявлял любопытство. Ему хочется что-то разглядеть: «Мне нужно подняться. Хочу подняться и оглядеться.» - Ему говоришь: «Не делай этого. Высунешь голову выше этой стены, кто-нибудь тебя подстрелит, потому что они [немцы] постоянно начеку, потому что у них в деревьях и повсюду попрятались снайперы.» Это непросто запомнить, и какой-нибудь парень вдруг решает: «Мне надо оправиться, так что пойду-ка я туда» на открытое пространство. Не делай этого, потому что они тебя подстрелят! Кто-то как-то сказал: «Если новичок останется в живых в первые три дня, у него есть хороший шанс протянуть несколько месяцев или год», но страшно много из них сделали что-то глупое.

Вы абсолютно правы, когда [новички] приходят на передовую, они не понимают, что вся их жизнь изменилась. Теперь ты постоянно должен думать о том, что произойдет, если ты сделаешь то или это, и о курении тоже должен думать. Многие парни были заядлыми курильщиками и настаивали на том, чтобы можно было курить ночью… Полагаю, я знал 10-12 человек, которые были убиты, потому что курили ночью. Я-то всегда искал себе некурящих напарников по стрелковой ячейке.

Вы начинаете крепко дружить с парнем, находящимся в вашей стрелковой ячейке?

Да.

Хотели бы вы быть рядом с одним и тем же парнем как можно дольше?

Да, конечно. У меня был один и тот же напарник, пока меня не ранило, и мне очень повезло с ним. Это был головастый малый – шпана из Детройта (смеется). Очень, очень умный парень, он не курил и не трепался без нужды. Ту такое дело… Немцы посылали по ночам передовые патрули, которые старались точно определить наше местоположение. Поэтому по ночам мы много не говорили. Один из нас обычно спал. Это просто становится привычкой: два часа спишь, два часа бодрствуешь. Бик Нелл (Bic Nell) был моим напарником по окопу, и он ни разу не заснул, когда спал я, и наоборот. С другими это случалось, и это было совсем никуда. Когда человек находится на посту, он не должен спать, потому что от него зависит жизнь других. Расскажу вам одну историю. Мы переправились через реку Мозель/Moselle. Один парень из нашего взвода вечно спал, спал и тогда, когда был на посту. Нам приказали отойти и вернуться назад: мы оказались на немецкой стороне сами по себе. И ту все мы сказали вот что: «Что ж, если Джо будет спать, когда мы будем переправляться обратно, никто его будить не будет.» Так и случилось. Его просто оставили. Убили его, или он попал в плен – никого это не беспокоило, поскольку толку от него не было: такова жизнь. Ты должен полагаться на людей, с которыми ты рядом,

или проку тебе от них нет никакого. [В истории 357-го Полка нет упоминаний о переправе через реку Мозель и [последующий] отход. Билер, возможно, говорит о том, как его часть заняла городок Уканж/Uckange во Франции 12 сентября 1944 г., когда 90-я Дивизия попала под сильный артобстрел на с восточного берега реки Мозель в тот момент, когда готовилась к переправе. Дивизия … получила приказ отступить и оставить город…]

От многих ветеранов я слышал такое: ты сражаешься за людей, которые находятся рядом с тобой.

Это так. Ты зависишь от них, а они зависят от тебя. Так и есть…

Давайте вернемся к моменту прорыва обороны немцев. Не могли бы вы рассказать еще что-нибудь о самой операции, о том дне, когда имел место бомбовый удар, о том, как вы наступали?

Хорошо. Мы видели самолеты – сначала появились тяжелые бомбардировщики. Скажу вам, сами они были в безопасности – на высоте в шесть миль (смеется), но у них были точные прицелы, и первая их волна нанесла противнику большой урон. Немецкие зенитчики сбили один или два самолета из первой волны. Наши самолеты-корректировщики определили, откуда немцы ведут огонь, 5 или 6 артиллерийских батарей открыли огонь по позициям этих зенитчиков и уничтожили их. После этого немцы не выстрелили ни разу, потому что знали, что их разнесут в пух и прах. На американской стороне было такое количество артиллерии… У нас было, вероятно, в два раза больше пушек, чем у немцев. Затем и произошел прорыв. Мы не были в первой волне наступавших – мы были во второй, которая пошла в другом направлении… Мы двинулись на юг вместо того, чтобы наступать на запад в направлении Ле-Мана. Мы входили в специальную боевую группу, в которой были танковые войска. В бой пошла 5-я Танковая Дивизия, за ней 90-я Пехотная, но я не знаю, была ли с нами 5-я [Танковая Дивизия]. Думаю, мы были в составе 12-го Корпуса в тот момент. То есть, примерно три дивизии – одна танковая и две пехотные (не помню номер другой дивизии) двинулись на Ле-Ман, а 79-я Пехотная – часть армии Паттона (George Patton), двинулась в обход Ле-Мана. [Ле-Ман был освобожден 8 августа 1944 г. 15-м Корпусом, в который входили 90-я и 79-я пехотные дивизии и 5-я танковая Дивизия.] Предполагалось, что мы сомкнемся с ними в центре города. В 79-й Дивизии не знали, что мы – свои, и начали палить по нам. Ну, мы окопались и тихонько пересидели это, не отвечая на огонь… В итоге, до них дошло, кто мы.

Мы продолжили продвижение. 90-я Дивизия была частью небольшой боевой группы, с нами в тот момент была 2-я Танковая Дивизия французов, которая была действительно превосходной боевой частью. Это были, в основном, парни из *Иностранного Легиона*, которых вооружила Америка. У них были американские танки и все остальное. Эти ребята были вечно чем-то заняты (смеется). По ночам их не было видно. Он где-то проводили время со своими французскими подругами (смеется), а еще они прославились дурной привычкой разжигать по ночам большие костры, по которым любили стрелять немцы… В конец концов, Паттон приказал им завязывать с этим. Это было тогда, когда мы двинулись на север от Ле-Мана в Шамбуа/Chambois. Мы замкнули Фалезский котел. [Бои в окрестностях Фалезского котла имели место между 12 и 21 августа 1944 г. Планировалось, что 3-я Армия Паттона захвати город Аржантан/Argentan, что она сделала 13 августа, а 1-я Армия канадцев возьмет Falaise/Фалез. Тем не менее, боязнь того, что союзные войска попадут под огонь своих, вынудила англо-американское командование остановить наступление канадцев, что позволило значительной части отступавшей немецкой группировки выскользнуть из котла, хотя они и понесли тяжелые потери.]

Насколько упорным было сопротивление противника в период между прорывом и боями у Фалезского котла?

Дело было так. Немцы оставляли заслоны на дорогах. Они были мастерами отступления. Они отступали, но блокировали дороги парой танков и, может быть, ротой пехотинцев и несколькими пулеметными гнездами. После пары выстрелов и очередей они отступали, но часть пехотинцев оставалась, открывая огонь по любому, попавшему им на глаза. Так нам

приходилось обходить их, находить другой путь. Они замедляли наше продвижение, но мы все время шли вперед, хотя постоянно несли потери…

Вы были ранены на начальном этапе боев…

Да, близ Меца.

Было еще одно ранение?

Было легкое ранение. Я получил осколок в коленку… в Нормандии, в начале боев, но это случилось в сражении за Бокудре, и никто не зарегистрировал его (смеется). У нас в роте был санитар, и он сказал: «Ничего серьезного. Тебя не отправят [в тыл].» Он вытащил осколок щипцами, и все потом заросло само. Он еще сказал: «Нет времени, чтобы писать о представлении к *Пурпурному Сердцу* (медаль, которую вручали получившим ранения).» Позднее он был убит, не осталось свидетелей…

Приходилось ли вам в тот период времени перемещаться на танковой броне?

О, да, время от времени. Танки были с нами, мы маршировали и ехали настолько быстро, насколько это было возможно. Иногда мы продвигались на грузовиках. Мы старались наступать как можно энергичнее, потому что в тот момент немцы были крайне дезорганизованы.

Когда мы прорвали оборону немцев, перед нами оказалось всего лишь несколько немецких постов, и несколько раз нам удавалось захватывать деревни или города. В тех местах мы взяли множество пленных, потому что некоторые немцы из тыловых частей не хотели сражаться. Многие из них были из интендантских или хозяйственных частей, или это были те, кто говорил: «Я – не боец. Я – не пехотинец. Я не воюю.» Попадали к нам русские и венгры – это те, которых я помню, и среди них были целые группы людей, которых немцы загнали к себе в армию и которые не были настроены воевать. Они с готовностью использовали возможность сдаться в плен, где это только было возможно, и многие из них даже не говорили по-немецки… Даже не знаю, как немцы умудрялись заставлять их что-то делать (смеется).

А в Нормандии вы брали пленных?

Немного. Не могу и вспомнить – нет, мы не брали пленных в Нормандии, потому что нам некуда их было девать, и парашютисты тоже не брали пленных… впервые мы начали брать пленных после прорыва.

Итак, вы говорили, что основной формой оборонительного боя были заслоны на дорогах?

Да… натыкаешься на город, а немцы занимали все мало-мальски значимые города и деревни – они сражаются, обороняя его, а иногда просто сдаются. Когда немцы видели танки и наступающие крупные части, они не проявляли такого уж фанатизма. Эсэсовцы вели себя по-другому, и, если мы натыкались на группы парней из *SS*, те дрались всегда. Однако эсэсовцы сражались на передовой, и на небольших оборонительных позициях в глубине их не было. То есть, перед нами были тыловые части и тому подобное, и бóльшая их часть не была серьезным оппонентом…

Помните ли вы бой за какой-либо из этих городов, где вам оказали какое-то сопротивление?

Да. Самый первый город – Аржантан … Авранш/Avranches был одним из первых. Мы были первыми американцами, которых увидели [местные]. В городе было пятнадцать, может, двадцать тысяч жителей, и во время оккупации немцы обращались с ними очень плохо. В это городе французские девушки стояли в линию [вдоль улиц], и все они хотели пожать руку каждому проходившему мимо американцу…

Немцы были обращены в бегство, но силы *Свободной Франции* не были слишком активны в этих краях, но, когда стали подходить с севера к Парижу, *Свободные Французы* нам очень помогали.

Что вы помните о боях в окрестностях Фалезского котла?

Это была просто пальба, почти как на полигоне. Мы расположились на высотах, в долине было полно немцев. Они пытались прятаться в перелесках, но, в общем, просто стремились вырваться, и единственный путь лежал между нами и британцами. Нам говорили, что британцы собираются запечатать выход из котла. У нас был приказ не продвигаться дальше Шамбуа. Паттон поддержал нашу дивизию восемнадцатью артиллерийскими батареями. Все это оказалось в распоряжение генерала, командовавшего нашей дивизионной артиллерией. Немцы даже не пытались вести ответный огонь: они просто пытались убежать… Немецкая пехота, пытавшаяся атаковать нас, сделать не могла ничего. У нас были потери, но мы взяли огромное количество пленных и уложили, по меньшей мере, десять тысяч человек в этом сражении… Около 50 000 пленных, трудно поверить. Мы не знали, что делать с этими пленными…

В итоге, те, с кем мы встретились, оказались поляками, а не британцами. Это была польская бригада, воевавшая на стороне британцев. Британцы всегда любили бросить в бой кого-нибудь еще вместо себя (смеется). То, что было дальше, - захватывающая история. У них [поляков] не осталось боеприпасов. Один из наших капитанов спросил: «Ну, и что вы сделали со всеми своими боеприпасами?» - «Мы их израсходовали.» - «Это как? Зачем вы передаете мне сотни своих пленных?» - «Мы не можем перестрелять их.» - «Но вы не можете стрелять в военнопленных.» - «Само собой, можем. Этим мы и занимались, да вот патроны кончились…» Капитан говорит им: «Согласно правилам ведения военных действий, вы не имеет права убивать военнопленных.» - «Они убивали моих соотечественников, а я убиваю их.» Поляки прошли через тяжелые времена. Действительно, так было. Немцы метелили их годами. Теперь в это трудно поверить…

Солдаты 9-й Дивизии в Шамбуа

Каково это, когда вас атакует пехота, когда вы видите противника, приближающегося к вам? Один раз вы это пережили: штыковую атаку врага…

Ну, это было почти [безопасно]… У нас были глубокие стрелковые ячейки, пулеметы, и мы хорошо подготовились – у нас были превосходные оборонительные позиции. Наши

пулеметы вели фланкирующий огонь, их сектора обстрела пересекались… и, пока строй противника не рассыпался, мы были в безопасности. Местами небольшие группы крутых парней, может, парашютистов или эсэсовцев, прорывались к нам, и нам приходилось брать их в кольцо, убивать или брать в плен, но, в большинстве случаев, это было как на стрельбище. Боеприпасов у нас было сколько угодно…

Люди не представляют себе… и мы до поры не знали, что немцы используют лошадей, и в таком количестве. Почти все их припасы доставлялись [на передовую] на конной тяге, а у нас все было на грузовиках. У немцев не было 2.5-тонных грузовиков, как у нас – это было наше секретное оружие. У нас их были тысячи, они были шестиколесными, они могли выбраться из любой грязи в большинстве случаев… Весь этот… Фалезский котел был ужасен, но, знаете, мы были счастливы тем, что делали свое дело и удерживали позиции, тогда как Паттон забрал остальную часть 3-й Армии и пошел на Париж. Он оставил нас - 90-ю Дивизию и 2-ю Танковую Дивизию французов удерживать окраину котла.

После стольких месяцев боев, не были ли у вас такого ощущения, что вы перестали что-либо чувствовать по отношению к окружающему?

Было. Привыкаешь к тому, что видишь трупы, привыкаешь видеть людей, которым больно, у которых страшные раны. Это немного задевает тебя, но чувства притупляются, знаете.

Когда вы были во Франции, была ли немецкая авиация проблемой хоть иногда? Бывало, что они атаковали вас?

Они обстреливали нас раза четыре, но их самолеты были настолько быстрыми… Знаете, в голливудских фильмах бывают моменты, когда пули [попадают в землю] через каждую пару футов. [На самом деле] они попадают в землю через каждую сотню ярдов, поскольку немецкие самолеты были очень, очень скоростными. Они были совсем слабы, вообще никакие, обстреливая нас воздуха, тогда как наши *P-47* могли сбавлять скорость – это был истребитель-бомбардировщик, и он был смертельно опасным для немцев… и на немецких самолетах не было пулеметов 50-го калибра. У них были пулеметы 30-го калибра. Большая разница. Пуля 50-го калибра гораздо быстрее и мощнее. Еще *P-47* несли 500-фунтовую бомбу и могли заставить танк взлететь на воздух. Они были очень, очень точны…

Немецкая авиация не оказывала поддержки пехоте. Она появлялась от случая к случаю…

А что немецкая бронетехника? Случалось ли так, что вас атаковали немецкие танки?

О, да, много раз (смеется). Да, их танки были грозной силой… У них были 88-миллиметровые пушки, снаряды которых обладали очень большой мощностью и летели с такой скоростью, что вы не слышали их приближения. Как-то раз я попал под обстрел, когда мы продвигались к Ле-Ману. Мы уткнулись в немецкий заслон на дороге. Залегли на обочине. Снаряд немецкого танка угодил в полотно дороги напротив нас – наверное, это было в 40-50 футах от меня, но этого было достаточно, чтобы меня приподняло над землей и шмякнуло об нее так, что я просто оглох. Мои слуховые нервы были повреждены, и я по сей день не слышу, когда со мной говорят на высокой частоте, не слышу звука скрипки или пение птиц… У немцев не было такого количества танков, как у нас, но те, что были у них, были больше и мощнее и, кроме того, были намного более шумными. На колесах их гусениц не было резинового бандажа, и было хорошо слышно [издалека], как они гремели. Для опытного пехотинца танк не является большой проблемой, если у тебя есть возможность двигаться. Если ты можешь быть в движении, ты можешь уйти из его поля зрения. Если люки задраены, когда вы ведете по нему достаточно плотный огонь, вынуждая танкиста нырнуть в башню, они пользуются этими маленькими перископами. Из них видно очень немного, и танк становится уязвимым с флангов и с тыла…

Пытались ли вы атаковать немецкий танк в одиночку, вызывали *P-47* или дожидались своих танков?

Да, *P-47* в основном-то и спасали нас от [вражеских] танков. От базук было мало толку, разве что, можно было попасть по звездочке. Единственный способ поразить немецкий танк из базуки – повредить звездочки или колеса, вращающие ее – в этом случае танк

обездвижен. Когда он встал, танкисты пытаются выбраться из него, и иногда нам удавалось поймать их [под прицел], когда он выползали наружу. Обычно у них были только автоматы, которые в быстром темпе выпускали множество пуль, но точностью они не отличались. Против винтовки особенно не повоюешь, однако танкисты были одними из самих крепких немецких бойцов. Это было особенное племя, примерно, как эсэсовцы или парашютисты. Это были элитные бойцы.

А вы сами стреляли из базуки, или для этого имелись отдельные группы солдат?

Ни разу не стрелял из нее в бою, только во время обучения. Были группы ребят с базуками, но у нас была одна на отделение. В большинстве случаев ее было не найти. Когда мы вступали в уличный бой, их куда-то убирали. Знаете, когда мы вырвались из Нормандии, мы просто преследовали противника, пока у нас под Реймсом/Reims не кончился бензин. Они нас не атаковали, разве что стреляли из-за заслонов на дорогах. Это был довольно легкий период войны…

Итак, после Фалезского котла вы остались бок о бок со 2-й Танковой Дивизией французов?

Да.

Что произошло потом?

После того, как котел был закрыт и взяли всех пленных, мы двинулись форсированным маршем на соединение с остальными частями 3-й Армии. Часть пути мы проехали в грузовиках. Мы прошли сотню миль за два или три дня и были в движении днем и ночью. В Реймсе мы догнали другие части 3-й Армии, и там пришлось ждать, потому что кончился бензин. Там было около 5 дивизий – в 50 милях впереди всей остальной американской армии. Паттон хотел двигаться дальше. [Реймс был занят американцами 29 августа 1944 г., и проблемы со снабжением вынудили армию Паттона оставаться на месте до второй недели сентября.] Он говорил: «Если я смогу двинуться дальше, а вы будет снабжать меня, я дойду до Берлина» (смеется). Вероятно, он смог бы. Досадно, что ему не дали пересечь *Линию Зигфрида*: мы могли просто промаршировать через нее. У немцев на *Линии Зигфрида* не было войск в то время, но у нас не было бензина, и Реймс был прекрасным местом, чтобы остаться в нем без бензина. Мы пили – каждому из нас была выдана бутылка шампанского. До этого я никогда не пил шампанского. Я выпил свою бутылку в первую же ночь и проснулся утром сильно помятым. Тут случился минометный обстрел, и меня помяло еще сильнее (смеется). Потом нам стали продавать шампанское по 25 центов за бутылку… ну, мы продолжили. Мы пробыли там, думаю, около недели, пока не прибыл бензин и не подошли остальные войска. Вы знаете, им пришлось устроить большое шоу с прохождением через Париж… Ну а Реймс находится к северу от Парижа, и, начиная с него, немцы снова [вступили в бой]. Они перегруппировались, у них было на это время.

Я видел в ваших заметках цитату из книги, написанной одним из штабных офицеров Паттона, где говорилось о том, что вы пронеслись там, где прошла Первая Мировая война.

Да, это правда.

То, что у них заняло 4 года, у вас заняло всего неделю или вроде того.

Да. Наша дивизия переправилась через Marne/Марну, через Эну/Aisne, что еще?.. Через Вель/Vesle и вступила в Верден/Verdun через два дня. Потом мы взяли Мец, и там нам пришлось вновь вести городской бой. В городе Мезье́р-ле-Мец/Maizieres-les-Metz я был ранен, это был ключевой узел обороны для *Линии Зигфрида*. Это был укрепленный город с немецкими окопами и огневыми точками всюду и везде: в домах и подвалах. Я был ранен во время второй атаки на мэрию города. Четверо или пятеро из нас атаковали это здание. Мы не знали, сколько там у немцев людей. Думали, там где-то взвод, а оказалось – целый батальон. Мы пробежали через открытое пространство и ворвались в здание, убив пару немцев, но дальше не прошли, потому что у них в каждом коридоре были пулеметы. Мы сказали друг другу: «Нам нужно выбираться отсюда. Так дело не пойдет.» Мы вернулись к

себе в роту, а нам и говорят: «Хорошо, парни, вы теперь стали экспертами, завтра пойдете назад, но с бóльшим числом людей.» Во второй раз в атаку послали взвод. Опять совершенно недостаточно людей, и с пулеметами мы не справились. Мы говорили командирам, что нужна базука, или лучше подтащить противотанковую пушку для обстрела пулеметных гнезд, но нас не послушали. Такая вот проблема: иногда твои слова до других не доходят. Это была почти самоубийственная атака, и когда мы перебегали через то же пространство, зацепило мою левую руку. Я бежал с ручным пулеметом *Браунинг/Browning* в тот самый момент. Ну, кровь сочится из руки, говорю остальным, что мне нужно возвращаться, там был еще один парень ранен. Остальные ребята и взвода продолжили атаку и ворвались в здание, и это все, что я знаю. Я вернулся, ротный санитар позаботился обо мне и втором парне. У нас у всех были пакеты первой помощи с…

Морфием…

Да, с большим мотком бинта и сульфадиазиновым порошком. Мы посыпáли им раны. У немцев ничего этого не было, они даже забирали пакеты первой помощи у убитых американцев. Итак, я оказался в госпитале, где мне сделали операцию…

… Меня и еще пару парней отправили в парижский госпиталь, где мне сделали еще одну операцию. Затем меня посадили на поезд, идущий в Гавр, откуда я на госпитальном судне отбыл в Англию… Та пуля задела мускул, но прошла мимо кости. Мне очень, очень повезло. Сразу несколько врачей сказали, что «лучшего просто не могло произойти». Эта рана предотвратила мое участи в *Сражении за Выступ* . В том госпитале меня продержали около месяца, где рана зажила. Оттуда нас отправили в другой госпиталь гораздо меньшего размера в городе Кармартен/Carmarthen, в Уэльсе… Тогда-то и началось *Сражение за Выступ*. Какой-то умник вычислил, что обстрелянных пехотинцев проще всего найти в госпиталях (смеется). Поэтому-то [комиссии] стали ходить по госпиталям и отбирать тех, у кого в день визита не было кровотечения и у кого был *Значок Боевого Пехотинца/Combat Infantryman's Badge*… Однако к тому времени, когда я вернулся в 90-ю Дивизию, *Сражение за Выступ* уже закончилось. Мы уже были на окраине Франкфурта. Знаете, подъезжаешь все ближе к линии фронта, снова слышишь грохот артиллерии. Мне этот звук совсем не понравился (смеется), я и заметил: «Не думаю, что мне это нравится.» Мы прибыли в штаб дивизии, и какой-то офицер спросил: «Кто-нибудь здесь может говорить по-немецки?» Несколько парней из нас сказали: «Да, мы можем.» Он и говорит: «Хорошо, ребята, вы будете служить в Военной Полиции *(MP – Military Police)*.» Так я и прослужил весе остававшееся до конца время во взводе Военной Полиции 90-й Дивизии. Наша группа из трех человек оказалась в *Отделе по Контролю за Гражданскими Делами/Civilian Control Department*. У нас был джип, был пулемет. Когда наши войска занимали деревню или город, мы следовали сразу же за пехотой и далее старались поддерживать порядок до той поры, пока это не возьмет в свои руки военная администрация. Это могло продолжаться от пары дней до пары недель. Самым большим из них был Хоф *(Hof – город на границе с Чехословакией)*. Думаю, в нем было около двухсот тысяч жителей, и всем городом управляли трое *GI* (смеется). Это было место, где один из нас постоянно бодрствовал. Мы сняли с нашего джипа глушитель и гоняли на нем по городу. Предполагалось, что в нем будет установлен комендантский час: у местных жителей в домах не должно было быть никакого света после 10 часов вечера. Паттон придерживался этих правил и говорил: «Немцы любят правила. Они ждут от нас распоряжений – мы дадим им распоряжения. Каждый, проживающий на восточной стороне улицы, будет мыть тротуары по понедельникам, средам и пятницам, а на противоположной стороне улицы – по остальным дням недели». Мы слышали, как немцы говорили между собой: «Ребята, да эти американцы действительно очень хорошо организованы» (смеется). Им это нравилось. Позднее, когда война закончилась, мы стали выдавать им пропуска, разрешающие ездить в другие города.

90-я Дивизия оказалась первой, вошедшей в Чехословакию, и там все было по-другому. Положение в Чехословакии было вполне благополучным. В магазинах были товары, вообще, их положение было далеко не таким плохим по сравнению с ситуацией у немцев. Это была в большей степени аграрная страна, и особенно тяжелых боев там не было.

Вы писали, что ваша дивизия освобождала концентрационные лагеря. Военная Полиция в этом участвовала?

Флоссенбюрг/Flossenburg?

Да.

Я этого не видел, но части дивизии освободили лагерь Флоссенбюрг [358-й и 359-й пехотные полки 90-й Дивизии освободили Флоссенбюрг 23 апреля 1945 г.]. Это был концлагерь для политзаключенных. Там было не так много евреев, были политические, много лютеранских священников, смутьянов или тех, кого Гитлер считал таковыми…

Билер зачитывает фрагмент из книги Стивена Эмброуза:

Потери нашей пехоты превысили 250%. [К концу войны] не осталось ни одного ротного командира из тех, кто покинул вместе с нами Англию, и осталась только с полдесятка офицеров во всем полку из числа тех, кто высаживался на пляж Юта [данное высказывание принадлежит подполковнику Кену Раймерсу из 375-го Полка].

90-я Дивизия была в боях 308 дней – это рекорд для европейского ТВД. Грустной стороной этой истории является то, что Монтгомери постоянно требовал контроля над американскими войсками. Некоторые из лучших дивизий 1-й Армии, такие как 1-я и 2-я танковые дивизии, были под подчинены британцам, а он так и не стал сражаться. Он не воевал. Он любил отступать и перегруппировываться - это была его тактика (смеется). В фильме 1970-го года *Patton*, который, вообще-то, был довольно правдивым, была сцена, в которой генерал-лейтенант британских ВВС (Air Marshall) говорит Паттону: «Не считаете ли вы, что вам нужно отступить и перегруппироваться?», на что Паттон ответил: «Нет, мои люди не знают, как это делать, а я не хочу их учить этому» (смеется). Вся эта ситуация с *Выступом* – если бы они дрались так, как Паттон, всего это не случилось бы. Вы слыхали о 106-й Пехотной Дивизии?

Да.

Они оказались не в том месте, когда началось *Сражение за Выступ*, и были полностью уничтожены, почти полностью, или просто драпали и сдавались. Армия не стала восстанавливать дивизию [под этим номером], потому что сочли этот номер несчастливым. Когда свежая дивизия вошла в состав 3-й Армии, Паттон перемешал ее парней с людьми из других дивизий, стал посылать их на рекогносцировку, и они научились делать свое дело, приобретя опыт. А в 1-й Армии новичков сразу бросили на передовую, что было настоящим преступлением, как я полагаю…

Звучит так, будто вы очень высокого мнения о Паттоне…

О, да. Я лично видел его, по меньшей мере, трижды, очень близко. Это был всем солдатам солдат… Первый раз дело было в Ле-Мане. Он раскатывал на своем большом и крутом джипе и любил поговорить с солдатами. Еще раз дело было так: он вышел из своего джипа и проехался с нами какое-то время, спрашивая: «Все ли вы получаете, ребята, из того, что вам необходимо?» и говоря: «Вы – хорошие солдаты. Двигайтесь вперед. Двигайтесь так быстро, как только можете, потому что чем быстрее вы наступаете, тем лучше для вас» - это была его теория, и, я думаю, она работала. В третий раз это была его речь для 90-й [Дивизии] после того, как война закончилась.

Что вы думаете о своих офицерах, младших офицерах, тех, кто вел вас в бой?

Большинство офицеров моей части, с которыми я был в контакте, были отличными парнями. 90-я Дивизия была знаменита тем, что первые двое или трое, или, по меньшей мере, двое [возглавлявших ее] генералов никуда не годились. Дивизия проходила подготовку с одним, затем, прямо перед тем, как мы отправились за океан, он получил повышение. Назначили кого-то другого, и он был никудышным. Второй – то же самое, а затем пришел Эрнест (Earnest), который был первоклассным. Всего у нас во время войны было пятеро командиров, и трое из них, толковые, были переброшены командовать корпусами.

Паттон общается со своими солдатами

Сувениры… я привез домой довольно много. У моего сына множество кортиков, еще я подарил ему два красивых ружья 22-го калибра – *Вальтер/Walther* и *Маузер/Mauser*, оба охотничьи. Немцы производили великолепное оружие.

Я знаю, что многие *GI* посылали домой оружие и привозили его с собой. Все и всегда хотели заполучить *Luger*.

О, да. Все хотели *Luger*. У меня их было много, пару я продал, когда учился в колледже, потому что нуждался в деньгах (смеется), но те два ружья я сохранил, потому что они были красивыми.

Когда вы вернулись домой из Европы?

Так… 30 декабря я был демобилизован. Возвращался я вместе со штабом дивизии. Мы проехали на джипах через всю восточную Германию и добрались до Марселя. Дальше на пароходе *Mariposa*. 30 декабря я был демобилизован из лагеря Форт Монмут/Fort Monmouth. Всего я провел в армии два года, шесть месяцев и один день, из них почти два года за океаном.

Что больше всего запомнилось вам о времени оккупации и о взаимоотношениях с немцами?

Были мы как-то раз в патруле – частью моих обязанностей было патрулирование второстепенных дорог, по которым бродило много немецких солдат и особенно эсэсовцев. Командование не беспокоилось особенно об обычных солдатах, но что касается эсэсовцев… их содержали в специальных лагерях, и охраняли их боевых части. Как-то раз едем по дороге и натыкаемся на троих парней, идущих по дороге, и тут один из них побежал. Двое других остались на месте, мы их взяли в плен, а по третьему парню я пару раз выстрелил, но он продолжал бежать по открытому полю, и я не захотел гнаться за ним. Парень, который был со мной вместе, был новичком, и я не стал оставлять его одного с двумя пленными. Эти двое оказались эсэсовцами, и их отправили в лагерь.

Это было уже после капитуляции немцев, когда вы взяли тех двух эсэсовцев?

Да, после. Через месяц или два.

У меня еще есть пара вопросов. Вы рассказывали про тот бой, когда вас ранило в Меце. На какой день боев за город это произошло?

На второй. Вечером того же дня в госпитале оказалось еще несколько наших парней, и они рассказали, что командование, в итоге, бросило в бой [за здание мэрии] весь батальон, 3-й, и они взяли здание, которое оставалось последним пунктом сопротивления в Мезьер-ле-Меце. Однако до этого тяжелая артиллерия разнесла его на куски, а потом уже послали в бой батальон. Ну смешно ведь: сначала бросили в атаку четверых ребят, а потом тысячу человек. Неприятное это дело – бои в городе. Я бы предпочел драться в сельской местности, как было в Нормандии… Так мало пространства, а из любого окна может выстрелить снайпер.

Вы можете это сказать даже про маленькие городки, в которые вы входили, наступая через Францию?

Да-да… [вражеские] пули отскакивают от кирпичных стен, от бетона. Рикошеты – это ужасно. Пули крутятся и наносят страшные раны…

Когда вы переправлялись через реки, Мёз/Meuse и Марну, оказывал ли противник сопротивление?

Да нет, иногда было что-то на мостах, но силы *Свободной Франции* помогали нам. Когда мы переправлялись через реки, французы уже контролировали эти участки местности. Немцы оставляли небольшие отряды на мостах через эти реки – предполагалось, что они взорвут их при приближении американцев. Однако французы успевали перебить немцев и перерезать проволоку, так что у нас был свободный проезд по этим мостам.

Нам приходилось видеть старые, просто древние воронки от снарядов времен Первой Мировой войны, заросшие травой и кустарником. Тогда это было сумасшествием - так воевать: сидеть в траншеях, потом вылезать в них и идти на пулеметы…

Поскольку вы говорили по-немецки, вам доводилось общаться с немцами во время оккупации?

Да.

И как это происходило?

Все было прекрасно. Немцы любят порядок, а оккупация привнесла порядок, в особенности там, где были войска Паттона. Первые одну или две недели немцам был нужен пропуск, который выдавала Военная Полиция. Мы заняли офис бургомистра и заполучили городскую печать. Скажу я вам, это имело силу… С этой печатью можно было реквизировать все, что угодно (смеется). Ну, мы ставили печати на пропуска первую неделю, а потом он [Паттон] сказал: «Им не нужен пропуск для того, чтобы навестить родственников.» Немцы были в восторге, потому что не понимали, зачем это [ограничение] понадобилось… Немцы любят, когда все идет гладко.

Приходилось ли вам арестовывать членов [нацистской] партии?

Нет, этим занимались военные власти. Некоторых из них посадили в тюрьму, если это были важные птицы, но мы этим не занимались. Мы только занимались проверками (смеется) – временные надзиратели, можно сказать…

Был ли у немцев вид побежденных?

Да. Они устали от войны. Жалким зрелищем было то, что вокруг было много людей без руки или ноги. В немецкой армии руки и ноги ампутировали, не моргнув глазом, потому что у них не было медикаментов. У них не было антибиотиков, не было пенициллина, не было времени на толковые хирургические операции. Печальное зрелище. Столько людей, которые в некоторых случаях теряли руки или ноги без необходимости…

Время от времени мы сталкивались с каким-нибудь недовольным немецким ветераном, который считал, что оккупанты не обращаются с ним подобающим образом. Такие говорили: «Я не сдавался в плен. Я – победитель». – «Нет, это не так (смеется). Ты стоишь

здесь, а мы – здесь, и мы здесь командуем». Иногда приходилось вколачивать это в немцев, а это народ агрессивный.

Вот что забавно – я вновь поехал в Германию в 1947-м, летом. Сначала мы были в Голландии, попутешествовали немного. В Германии нам останавливаться было запрещено. Мы проехали по ней в Швейцарию. Когда мы подъехали к германской границе, немецкие пограничники вели себя заносчиво, знаете ли: «Вы должны сделать то, должны сделать это». Я немного говорил по-немецки и сказал им: «Угомонитесь. Вы, на самом деле, здесь не командуете», поскольку в Германии все еще стояли оккупационные войска… Однако, немцам уже начали давать возможность вести дела в чем-то по-своему.

Как, по-вашему, оккупационные войска вели себя по отношению к немцам – речь не о политике, а об отношениях между отдельными людьми?

Думаю, очень хорошо. Вот что интересно – начинаю с кем-нибудь разговаривать, они говорят: «Ваша фамилия Билер. Вы – немец». Я говорю: «Нет, я американец, мои родители – немцы». - «Ну вы наполовину американец, а наполовину немец» (смеется). Им это облегчало общение… Им это нравилось, но, в целом, немцы очень, очень сильно устали от войны, от того, что она тянулась так долго. Им нечего было есть, не было бензина, было совсем немного радостей жизни, в магазинах было пусто, а у *GI* были сигареты, а сигареты были деньгами.

А как было с алкоголем?

Все немцы пьют пиво, и хорошо держатся при этом… Они не перебирают. В то время было мало крепкой выпивки, и с этим у *GI* была проблема. Многие из нас привыкли к 3.2-градусному пиву, слабенькому пиву, которое продавалось в *post exchanges (PX – армейские почтовые офисы-полевые лавки).* Немецкое пиво было 12-тиградусным, им не то что напиваешься, но от него набираешь вес. Я так и не начал там пить пиво, потому что не хотел набирать лишнюю сотню фунтов. Я там видел таких парней, набравших там сотню фунтов, и все потому что они сидели и ничего не делали. В армии это стало проблемой. Командование пыталось спонсировать поездки и экскурсии, возить людей в живописные места, показывать знаменитые замки, нанимать немцев для того, чтобы они были гидами. Людей возили на 2.5-тонных грузовиках, и там было так много аварий, так что я в этих турах не участвовал. У меня был доступ к джипу - мне повезло. Будучи полицейским, я мог ездить куда угодно. Вот я и ездил, покупая фарфор, и кое-что раздобыл… Это все немецкий фарфор, он стоил мне [многих] сигарет…

Да, вижу: лисы, собаки, щегол.

Да, все это из Германии…

Оригинальное интервью - Shaun Illingworth

Palm Desert, California. August 18, 2007

http://oralhistory.rutgers.edu/interviewees/30-interview-html-text/1516-biehler-william-a

Сокращенный перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org